

Современный русский язык: де-юре и де-факто

OLGA V. MYAKSHEVA, OLGA B. SIROTININA
CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE: DE JURE AND DE FACTO

Ольга Викторовна Мякшева

доктор филологических наук, профессор

► myaksheva.ov@gmail.com

*Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского,
Российская Федерация, 410012,
Саратов, ул. Астраханская, 83*

Olga V. Myaksheva

Doctor of Philology, Professor

*Saratov State University,
83, ul. Astrakhanskaya, Saratov,
410012, Russian Federation*

Ольга Борисовна Сиротинина

доктор филологических наук, профессор

► skunak@mail.ru

*Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского,
Российская Федерация, 410012,
Саратов, ул. Астраханская, 83*

Olga B. Sirotinina

Doctor of Philology, Professor

*Saratov State University,
83, ul. Astrakhanskaya, Saratov,
410012, Russian Federation*

Модель языковой политики Российской Федерации предполагает, что на территории страны функционирует единый государственный язык — русский, и это юридически закреплено в законе «О государственном языке Российской Федерации», нормативно-правовых актах, государственных программах. Де-факто государственный русский язык изучается в школах России, особенно в старших классах, в формате ЕГЭ, что разрушает его целостное восприятие и возможность полноценного владения им. Дисциплины «Элективные курсы», «Русский родной язык», способствующие углубленному изучению русского языка, в школе часто существуют только на бумаге, фактически они предназначаются для штудирования тренировочных материалов к ЕГЭ. Уровень реального использования языка, даже чиновниками высокого ранга, журналистами, политологами, представителями других профессий, нередко не отвечает требуемым качествам эффективной коммуникации, что подтверждают результаты мониторинга речи с экранов телевизоров. Современная ситуация в мире особенно отчетливо обнаружила, что ориентация на построение потребительского общества в нашей стране за последние 30 лет, глобализационные процессы, очевидное существование двойных стандартов в поведении как целого государства, так и отдельного человека, хорошо разработанные методики фейковой информации и т. д. влекут за собой, пожалуй, самую серьезную опасность для языка — забвение кодов русской культуры. Например, реклама беззастенчиво эксплуатирует выразительные ресурсы языка для повышения спроса на свои товары. В результате анализа болевых точек существования русского языка в современной России делается следующий вывод: исцеление от нравственных недугов современного общества возможно только при понимании того, что мы сохраним государство, если сохраним свой язык.

Ключевые слова: языковая политика РФ, государственный русский язык, Единый государственный экзамен, реальный уровень владения языком, реклама, коды русской культуры.

The authors argue that the model of the language policy of the Russian Federation assumes that a single official language, Russian, functions on the territory of the country, and this is legally enshrined in the law on the official language of the Russian Federation, regulatory legal acts, and state programs. The “de facto” official Russian language is studied in Russian schools, especially in high school, in the format of the unified state examination, which destroys its holistic perception and the possibility of full proficiency. The disciplines “Elective Russian Language Courses”, “Russian Native Language”, which contribute to the in-depth study of the Russian language, often exist only on paper at school, in fact, they turn into rote learning of

training materials for the Unified State Exam. The current situation in the world has particularly clearly revealed that the focus on building a consumer society in our country over the past 30 years, globalization processes in the world, the obvious existence of double standards in the behavior of both the whole state and the individual, well-developed methods of fake information etc. entail, perhaps, the most serious danger to the language — the oblivion of the codes of Russian culture. For example, advertising shamelessly exploits the expressive resources of language to increase the demand for its products. As a result of the analysis of the pain points of the existence of the Russian language in contemporary Russia, the following conclusion is made: healing from the moral ailments of modern society is possible only with the understanding that we will save the state if we save our language.

Keywords: language policy of the Russian Federation, official Russian language, unified state examination, real level of language proficiency, advertising, codes of the Russian culture.

В тревожное для нашей страны и всей планеты время Россия твердо отстаивает гуманистические идеи. Языковая политика Российской Федерации де-юре соответствует новым вызовам, ее модель предполагает, что на территории многонациональной страны функционирует единый государственный язык — русский, что обеспечивает полноценное взаимодействие представителей разных национальностей (см. перечень законов, нормативно-правовых актов, государственных программ [Юдина, Ковалева 2020: 12]). Русский язык является сокровищницей исторического и культурного опыта поколений, проживающих на территории современной России, выработавших совместно в предшествующие исторические периоды духовно-нравственный, патриотический стержень в мировоззрении, коды русской, российской культуры. Это же время обязывает назвать болевые точки существования современного русского языка, что мы и попытаемся сделать.

На взгляд авторов представленной статьи, основная проблема существования в современном российском обществе языка находится в просветительской области. Русский язык в школах России нередко изучается, особенно в старших классах, как подготовка к ОГЭ и ЕГЭ, что разрушает его целостное восприятие и исключает возможность для школьников полноценно овладеть связной речью, то есть является искажением целей и задач обучения языку. Более того, далеко не всё в языке можно проконтролировать в формате ЕГЭ,

а это значит, что часть программы уйдет и уходит из задач изучения.

Авторы ни в коей мере не считают, что от ЕГЭ и ОГЭ нужно отказаться, но, главное, к ним категорически нельзя готовить. Несколько лет назад был организован конкурс эссе у старшеклассников. Из 100 работ в восьми (!) иллюстрацией добрых поступков стал перевод старушки через дорогу. Почему? Потому что такой пример доброго поступка был приведен в материалах подготовки к ЕГЭ. Большинство присланных на конкурс эссе были переполнены правильными словами о совести, чести, уважении к старшим и образованным людям, однако нагромождение семантически плотных слов возымело обратный эффект — этим словам трудно верить.

Среди типичных черт сочинений ЕГЭ авторы статьи «Жанрово-композиционные особенности сочинения ЕГЭ как предмет ортологического исследования» выделяют рефлексивную коммуникативную цель: *Я пишу для того, чтобы сдать экзамен* [Гуц, Леонтьева 2011: 210–217]. В нашем случае коммуникативной целью стала победа в конкурсе, а не личные соображения по конкретному вопросу, полные свободного творчества. Эта подмена целеустановки (интенциональности) отчетливо отразилась в отборе языковых средств. Наиболее заметной речевой приметой эссе стали однородные ряды (содержащие пять и более компонентов) с выразительным эффектом градации, доходящей до запредельных, коммуникативно не оправданных высот: *Она (главная жизненная задача. — О. М., О. С.) должна диктоваться добротой к людям, любовью к семье, к своему городу, к своему народу, стране, ко всей вселенной; трудолюбие, настойчивость, упорство, взаимовыручка, честность, желание самосовершенствоваться — важные положительные составляющие нравственного облика каждого из нас; достоинство требует доброты, великодушия, умения не быть узким эгоистом, быть правдивым, хорошим другом, находить радость в помощи другим.* Эссе демонстрируют тревожное явление: у молодежи нет жизненной практики употребления этих слов, они не прочувствованы детьми, не прожиты ими, а использованы для решения конкретной задачи — победить

и получить балл себе и учителю-консультанту в портфолио (подробнее анализ эссе школьников в: [Мякшева 2018: 136–143]).

В старших классах школы сравнительно недавно появилась новая дисциплина «Элективные курсы» (в том числе по русскому языку), задачами данной дисциплины являются ранняя диагностика склонностей к определенному профилю образования, углубление знаний в этом профиле, формирование способности логично, выразительно, убедительно, аргументированно мыслить. И это замечательно. Несложно предположить, однако, куда перепрофилированы часы, предназначенные для этой дисциплины. Как говорят сами бывшие выпускники и их учителя, — это бесплатные репетиторские часы для подготовки к ЕГЭ. На просторах Интернета можно легко найти элективные курсы типа «Русский язык в формате ЕГЭ».

Дисциплина «Русский родной язык», целью которой является возвращение к историческим корням национального языка, поскольку на первом месте среди ее задач — реализация кумулятивной, культуросберегающей функции языка (см., например, в учебниках «Русский родной язык» издательства «Просвещение»), в школе нередко существует только на бумаге, фактически она тоже превращается в часы подготовки к ЕГЭ и ОГЭ.

Рассмотрим функционально-прагматический аспект проблемы существования русского языка в современной России. Например, обратимся к той речи, которую слышим с экранов телевизоров. Мониторинг такой речи показывает, что в новостных передачах, разного рода ток-шоу речевые ошибки множатся, создается впечатление, что и журналисты, и политологи, и представители других профессий, и чиновники даже самого высокого ранга не придают значения тому, что в первую очередь безукоризненно грамотная речь не только обеспечивает адекватное понимание мысли, но и является гарантией уважительного отношения и к самому говорящему, и к его статусу, то есть является гарантией эффективной речевой коммуникации. М. А. Кормилицына совершенно справедливо пишет: «Эффективной может быть только продуктивная коммуникация, в процессе и в результате которой все ее участники смогли достичь

взаимопонимания, если не полного, то хотя бы достаточного для реализации тех коммуникативных целей, которые поставил инициатор коммуникации, адресант» [Кормилицына 2019: 6]. Вспоминается, как Л. А. Вербицкая на одном из конгрессов РОПРЯЛ с гордостью говорила, что часто отвечает на звонки «самого высокого начальства» с вопросом о том, как то или иное слово произнести правильно.

Приведем только некоторые примеры типичных ошибок из передач трех ведущих каналов — Первый канал, «Россия 1» и НТВ — за ноябрь и декабрь 2022 г., и обратим внимание на то, как быстро происходит привыкание к неправильной форме: уже к концу прочтения ряда подобных примеров норма затушевывается.

1. Наиболее частотный тип ошибки отражает «агрессивное» поведение скрепы *о том: жизнь под-сказывает о том; полковник объяснял нам о том, что будет; усомнились о том; нас настораживает о том, что наблюдаем рост заболеваемости; показал фотографию о том, что случилось; мы наблюдаем о том, как разворачивается ситуация в Херсоне; убедиться о том, что ситуация стабилизируется; надо показать о том, что сливают информацию; доказывает о том; вопрос касался о том; им надо внушать о том; убедиться о том; понимают о том; что касается о том* и т. д.

2. Непозволительно расширились границы употребления слова *достаточно* и его функциональных эквивалентов: *Германия достаточно враждебно относится к нам; на выставке захваченного оружия достаточно много; повреждения в Донецке достаточно серьезные; это достаточно серьезный порок, который требует достаточно решения; до сегодняшнего дня мы в достаточной мере были зависимы от импорта; несмотря на достаточно непростой период, нам удалось увеличить число доноров; сегодня достаточно скользко (прогноз погоды); Омар находится в достаточно сложной жизненной ситуации; на Украине происходят достаточно кровавые события; достаточно тяжело идут бои; у нацистов достаточно кровавая идеология; ситуация в современном обществе достаточно тупиковая; в городе произошло достаточно преступлений*

со смертельным исходом. Стоит задать употребившим это слово вопрос: **для кого этого всего достаточно?**

3. Часто нарушаются орфоэпические нормы: *шинэль; тэрмин; обеспечение; ходатайствовать* и подобное.

4. Стремление к экспрессивности речи влечет за собой избыточность средств выражения этой экспрессивности: *более выше; самый высочайший; было бы самой глупейшей ошибкой бросить солдат; очень замечательно прошел праздник.*

5. Употребление числительных — непреодолимая проблема для многих публичных людей: *речь шла о двести человек; около двухста; трехста; менее четыреста, около шестьсот миллионов рублей* и т. д. Только на третьем десятке текущего тысячелетия носители языка справились с употреблением порядковых числительных с обозначением даты: *две тысячи первый год, две тысячи двадцать второй год.* Хотя употребление *до двух тысяч двадцать третьего года* еще можно встретить.

6. Некоторыми публичными людьми забыто правило употребления усилительной частицы *ни: не один ребенок без подарка не останется.* И если в предыдущем случае смысл фразы все равно понятен, то в следующей *...обнаружено не одно нарушение норм противопожарной безопасности* адресат, не слышавший начала (*На данном предприятии не...*), воспримет фразу как прямо противоположную с точки зрения вложенной в нее информации.

7. В последние десятилетия лингвисты, изучая заполнители естественных для спонтанной речи пауз в аспекте причин их появления и систематизируя такие речевые единицы в тематические группы (дискурсивы, хезитативы и под.) и т. д. (см., напр.: [Викторова 2015]), пришли к выводу о том, что эти заполнители пауз в устной, спонтанной речи неизбежны, они дают возможность говорящему сформулировать мысль более точно, а слушающему — воспринять информацию более полно, обдумать ее. Однако все дело здесь в мере. Вызывает только удивление то, что почти ежедневно мы слушаем в политическом ток-шоу на канале «Россия 1» выступления политолога, президента

Центра стратегических коммуникаций, речь которого невнятна, напоминает скороговорку, с бесчисленным количеством хезитативов, самые частотные из которых — *соответственно, грубо говоря, на самом деле, как бы, в принципе.* Такая речь, даже если она исключительно информативна, содержательна, актуальна, с трудом понимается, адресат по мере восприятия такого выступления начинает невольно не вслушиваться в содержание, а ожидать появления очередного заполнителя.

Безусловно, наличие перечисленных и им подобных ошибок, снижающих качество восприятия речи, отчасти можно объяснить ее спонтанностью, неподготовленностью, отсутствием возможности продумать варианты более точного словоупотребления. В том, о чем пойдет речь далее, вероятно, кроется самая серьезная опасность для языка.

Современная ситуация в мире особенно отчетливо обнаружила, что ориентация на построение потребительского общества в нашей стране в последние 30 лет, глобализационные процессы, очевидное существование двойных стандартов в поведении как целого государства, так и отдельного человека, хорошо разработанные методики фейковой информации, манипуляционные стратегии при интерпретации содержательно-фактуальной информации и т. д. привели к существенным изменениям в мировосприятии россиян, особенно молодого поколения. Далеко не последнюю роль в изменении этого мировосприятия сыграли СМИ и реклама. В данной статье речь пойдет о рекламном дискурсе.

Реклама вошла в нашу жизнь как агрессивная форма принудительного общения. Отчаянно стремясь повысить спрос на товар, создатели рекламной продукции прибегают к нечестным приемам — беззастенчивой эксплуатации богатых выразительных возможностей русского языка. Основным приемом воздействия на адресата в рекламе является манипуляция. Одним из принципов манипуляционных стратегий в речевой деятельности служит завуалированный обман, замешанный на апелляции к культивированным веками культурным достояниям человечества, концептам культуры. Ключевые концепты культуры, имея сильный позитивный коннотативный

шлейф, способны накрыть им расположенные рядом в синтагматическом ряду номинации. Один из самых показательных примеров действия такого приема можно обнаружить в рекламах «Газпрома», в частности в рекламе газопровода «Сила Сибири». Механизм таков: сначала идут номинации достояний России и высших достояний человечества: *сила тайги, сила реки, сила воли, сила духа, сила движения, сила света, сила традиций, сила семьи, сила красоты*, а в конце этого однородного ряда, накрывая его позитивным коннотативным шлейфом, — рекламная номинация *газопровод «Сила Сибири»*.

Другие примеры. В нашем народе традиционно воспитывается гордость за *вещь, сделанную своими руками*. В одной из реклам слышим: *мир — это не просто вещи, это вещи, которые ты сделал своими*. Пафос трудолюбия трансформируется в тягу к приобретательству простым отсечением от стереотипной фразы одного слова (*руками*), и это коренным образом меняет смысл и, главное, меняет жизненные ориентиры. Педагог в образе старухи Шапокляк, сидя за учительским столом, поучает школьников: *Извлекать надо не квадратный корень, а выгоду*. Слово *выгода* и его словообразовательные дериваты, по данным мониторинга телевизионной речи, входят в число самых частотных. Если раньше, например полвека назад, радио и телевидение формировали языковую картину мира фразами типа: *бороться с несправедливостью, за правое дело*, то сейчас, благодаря рекламе, мы строим свою жизнь, *борясь с перхотью, протеканием и недержанием*.

В результате такой работы с языком создаются новые синтагматические связи в синтаксисе, парадигматические синонимические ряды в лексике. Например, вместо сочетания *золотые, мозолистые руки* мы слышим, благодаря едва ли не 100-кратному в один день повторению, — *руки-загребуки*. В другой рекламе предложен такой синонимический ряд: *я высокая, я сексуальная, я настоящая!* Конечно, сейчас, в момент больших испытаний в нашей жизни, язык пытается вернуть когда-то, казалось, уже «завоеванные позиции» (в передачах с мест боевых действий: *Наши бойцы сильные духом, смелые, настоящие парни!*), но конкуренции

с рекламным дискурсом такие фразы, особенно в сознании молодежи, пока явно не выдерживают.

Проблемы современной речевой ситуации в России усугубляются тем, что среди лингвистов нет однозначного понимания того, что такое «государственный русский язык», какой лексикон, какие языковые нормы должны фиксировать словари, грамматики, учебники русского языка как государственного. В понимании объема «государственного русского языка» наметились две точки зрения.

В дайджесте «Государственный язык Российской Федерации в жизни современной России» [Государственный язык... 2016] и статье Н. М. Кропачева и С. А. Кузнецова «Государственный язык Российской Федерации — понятный русский язык» утверждается: «Государственный русский язык, речевые стандарты которого формируют тексты, относящиеся к естественнонаучной, социально-политической, общественно-экономической, научно-образовательной сферам, имеет свои системные, функциональные и прагматические особенности, выделяющие его в отдельную структурную разновидность, отличающуюся как от других функциональных разновидностей литературного языка — языка художественной литературы, науки и разговорного языка, так и от некодифицированной части русского языка — диалектов, жаргонов, просторечия, устаревших речевых систем и отдельных структур языковой системы» [Кропачев, Кузнецов 2020: 8]. Авторы указанной статьи убеждены в том, что для использования русского языка как государственного, чтобы он обеспечивал устойчивую коммуникацию власти и народа, общества и отдельных социальных групп, преподавателей и учащихся, врачей и больных, администраторов и работников, чиновников и гражданских активистов, «следует выработать такие правила словоупотребления, которые обеспечат максимально широким слоям населения смысловую определенность текстов на государственном языке, их понятность и стилистическую нейтральность» [Кропачев, Кузнецов 2020: 8]. Утверждается, что «такие же требования предъявляются к текстам юридических документов и юридической наукой» [Кропачев, Кузнецов

2020: 8]. В статье обосновывается мнение относительно объема русского государственного языка так: «В условиях развития цифровой экономики знаний и связанного с ней резкого увеличения информационного потока все более актуальным становится умение человека не накапливать информацию **в целях духовного саморазвития** (выделено нами. — О. М., О. С.), а быстро ее перерабатывать и эффективно использовать для решения возникающих практических проблем» [Кропачев, Кузнецов 2020: 9]. В данном тезисе сужение объема понятия «государственный язык РФ» находит свое объяснение: государственный язык, язык многонационального народа России, по мнению авторов, необходим не для духовного развития гражданина, а для быстрого решения практических проблем. В таком, узком, понимании объема государственного языка содержится опасность фактической утраты русским литературным языком средства межнационального общения.

А. П. Сковородников, утверждая, что «государственный язык — язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной, экономической и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства» [Экология русского языка 2017: 43], считает, что одна из важнейших функций государственного языка в многонациональном государстве — быть языком межнационального общения, причем роль государственного языка выполняет наиболее функционально развитый язык доминирующего в численном отношении народа [Экология русского языка 2017: 44]. Социолингвистический мониторинг, участниками которого стали более 3000 носителей русского языка из 40 регионов России, убедительно демонстрирует правильность языковой политики государства: по результатам мониторинга, 90 % опрошенных родным языком считают русский, а 99 % утверждают, что в повседневной жизни говорят на русском языке [Юдина, Ковалева 2020: 13].

В статье «Современный русский литературный язык как государственный язык Российской Федерации» утверждается, что государственный язык — это не отдельное структурное образование, а официальный статус русского литературного

языка во всем многообразии его функциональных стилей [Мякшева, Сиротинина 2019: 22–27], а в статье «Русский язык как государственный: проблемы его экологии и функционально-стилевой дифференциации» отстаивается мысль о том, что русский литературный язык во всем разнообразии своих стилей, и в первую очередь в сферах художественной, просветительской, выполняет главную, **государственную** (выделено нами. — О. М., О. С.) функцию духовно-нравственной консолидации многонационального российского общества [Мякшева, Сиротинина 2021: 12–16].

Во время открытия VI Педагогического форума «Русский язык и культура: взаимосвязи и взаимодействие» (2–3.12.2019, г. Сочи) прозвучало приветствие В. И. Толстого (избранного президентом РОПРЯЛ после кончины Л. А. Вербицкой — самоотверженного борца за сохранение роли русского языка в мире), в этом приветствии ключевой была фраза: «Русская цивилизация вобрала в себя общекультурные ценности, русский язык — код доступа к этим ценностям». В поправке к Конституции РФ, введенной в действие с 4 июля 2020 г.¹, читаем: «Государственным языком Российской Федерации является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». На основании этого, согласно букве данной поправки, определяется статус государственного для русского литературного языка во всех его функциональных разновидностях.

Владение русским языком позволяет гражданам России успешно взаимодействовать в многонациональном государстве, а также, что не менее важно, предоставляет доступ к самобытной культуре носителей других языков России. В доказательство приведем фрагменты рассказа «Мальш» писателя, старшего научного сотрудника Института чеченского языка и истории А. С. Джунаидова (перу А. С. Джунаидова принадлежит уникальная по замыслу и выполнению документальная повесть об истории родного села [Джунаидов 2018]). Рукописью рассказа в знак сердечной дружбы Аюб Сайтахматович поделился с одним из авторов этой статьи. Рассказ был написан на чеченском языке, однако сразу же переведен на русский

и, таким образом, стал доступен всем жителям России. Вчитайтесь хотя бы в эти строки из рассказа: «Даже самые дальние зрители замечали, как радуется Малыш предоставленной наездником свободе. Малыш несся вперед, словно глыба льда, оторвавшаяся от отяжелевшего плеча горной вершины и устремившаяся вниз по скользким склонам, скованным февральской стужей». Или в эти: «Байсалу снова наклонился к упругой шее друга и прошептал: “Не слушай их, Малыш... У каждого из них свои желания... Наше с тобой желание — следовать горским обычаям, завещанным нашими предками. Пойми меня правильно, друг сердечный!.. Честь не может быть оценена в миллион рублей. Не все в этой жизни измеряется деньгами. На твоей спине, в твоих ногах сосредоточилась сегодня наша с тобой честь, вся суть этого мира”». В этих строках ярко отражается самобытный характер горского народа, и он гармонично дополняет сокровищницу духовных ценностей россиян.

В заключение своих размышлений сформулируем такой вывод: исцеление от нравственных недугов современного общества возможно только при понимании того, что мы сохраним государство, если сохраним свой язык в его функциональном разнообразии, потому что только в этом случае в нем будут «высвечиваться» [Степанов 2001: 4] константы русской культуры, ее коды, которые выполняют роль нравственного камертона в духовном совершенствовании человека. Авторы коллективной монографии «Но мы сохраним тебя, русский язык!» [Но мы сохраним тебя, русский язык! 2020], посвященной 90-летию академика Виталия Григорьевича Костомарова, как видим уже из названия, авторитетно и эмоционально открыто заявляют, что иного пути у нас нет.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Конституция РФ. 2020, ст. 68. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 23.06.2024).

ЛИТЕРАТУРА

Викторова 2015 — Викторова Е. Ю. *Вспомогательная система дискурса*. Саратов: Наука, 2015. 404 с.

Государственный язык... 2016 — *Государственный язык Российской Федерации в жизни современной России. Дайджест*. СПб., 2016. 36 с.

Гуц, Леонтьева 2011 — Гуц Е. Н., Леонтьева О. А. Жанрово-композиционные особенности сочинения ЕГЭ как предмет ортологического исследования. *Жанры речи. Жанр и языковая личность*. 2011, (7): 210–217.

Джунаидов 2018 — Джунаидов А. С. *Турти-Хутор зажигает звезды (документальная повесть)*. Грозный, 2018. 640 с.

Кормилицына 2019 — Кормилицына М. А. *Эффективность коммуникации: понятие, роль адресата и адресанта, основные приемы ее достижения*. Сиротинина О. Б. и Кормилицына М. А. (ред.). Саратов: Наука, 2019. С. 6–15.

Кропачев, Кузнецов 2020 — Кропачев Н. М., Кузнецов С. А. Государственный язык Российской Федерации — понятный русский язык. *Мир русского слова*. 2020, (2): 7–13.

Мякшева, Сиротинина 2019 — Мякшева О. В., Сиротинина О. Б. Современный русский литературный язык как государственный язык Российской Федерации. *Русский язык в школе*. 2019, 80 (3): 22–27.

Мякшева, Сиротинина 2021 — Мякшева О. В., Сиротинина О. Б. Русский язык как государственный: проблемы его экологии и функционально-стилевой дифференциации. В сб.: *Экология языка и речи: Мат-лы IX Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения заслуж. работника высшей школы РФ, д-ра филол. наук, проф. Нины Георгиевны Блохиной*, Тамбов, 12–13 февраля 2021 года. Тамбов: Державинский, 2021. С. 12–16.

Мякшева 2018 — Мякшева О. В. *Угодить и угадать как составляющие жанровых характеристик эссе современных школьников*. *Жанры речи*. 2018, 2 (18): 136–143.

Но мы сохраним тебя, русский язык! 2020 — *Но мы сохраним тебя, русский язык!* Монография, посвящ. 90-летию акад. Виталия Григорьевича Костомарова. Карасик В. И. (ред.). М.: Флинта, 2020. 408 с.

Степанов 2001 — Степанов Ю. С. *Константы: словарь русской культуры*. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

Экология русского языка 2017 — *Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов*. Сквородников А. П. (авт.-сост.). М.: Флинта; Наука, 2017. 384 с.

Юдина, Ковалева 2020 — Юдина Н. В., Ковалева Т. А. К вопросу о восприятии языковой политики Российской Федерации современными носителями русского языка. *Мир русского слова*. 2020, (4): 11–15.

REFERENCES

Викторова 2015 — Viktorova E. Iu. *Satellitic System of Discourse*. Saratov: Nauka Publ., 2015. 404 p. (In Russian)

Государственный язык... 2016 — *The state language of the Russian Federation in the life of modern Russia*. St. Petersburg, 2016. 36 p. (In Russian)

Гуц, Леонтьева 2011 — Guts E. N., Leont'eva O. A. Genre and compositional features of the unified state examination essay as a subject of orthological research. *Zhanry rechi. Zhanr i iazykovaia lichnost'*. 2011, (7): 210–217. (In Russian)

Джунаидов 2018 — Dzhunaidov A. S. *Turti-Khutor Lights the Stars (Documentary story)*. Grozny, 2018. 640 p. (In Russian)

Кормилицына 2019 — Kormilitsyna M. A. *Effectiveness of communication: Concept, role of the addresser and addressee, main methods of achieving*. Sirotinina O. B., Kormilitsyna M. A. (eds). Saratov: Nauka Publ., 2019. P. 6–15. (In Russian)

Кропачев, Кузнецов 2020 — Kropachev N. M., Kuznetsov S. A. The official language of the Russian Federation is understandable Russian language. *Mir russkogo slova*. 2020, (2): 7–13. (In Russian)

Мякшева, Сиротинина 2019 — Miaksheva O. V., Sirotinina O. B. Modern Russian literary language as the official language of the Russian Federation. *Russkii iazyk v shkole*. 2019, 80 (3): 22–27. (In Russian)

Мякшева, Сиротинина 2021 — Miaksheva O. V., Sirotinina O. B. Russian language as an official language: Problems of its ecology, functional and stylistic differentiation. In: *Ekologiya iazyka i rechi: Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Tambov: Derzhavinskii Publ., 2021. P. 12–16. (In Russian)

Мякшева 2018 — Miaksheva O. V. To Please and to Guess as the Components of Genre Characteristics in the Essays by the Contemporary School Students. *Zhanry rechi*. 2018, 2 (18): 136–143. (In Russian)

Но мы сохраним тебя, русский язык! 2020 — *But we will preserve you, Russian speech!* Karasik V. I. (ed.). St. Petersburg: Flinta Publ., 2020. 408 p. (In Russian)

Степанов 2001 — Stepanov Iu. S. *Constants: Dictionary of Russian Culture*. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2001. 990 p. (In Russian)

Экология русского языка 2017 — *Ecology of the Russian language. Dictionary of lingual and ecological terms*. Skovorodnikov A. P. (ed.). Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 2017. 384 p. (In Russian)

Юдина, Ковалева 2020 — Iudina N. V., Kovaleva T. A. To the question of the language policy perception of the Russian Federation by modern native speakers of the Russian language. *Mir russkogo slova*. 2020, (4): 11–15. (In Russian)